

о. АЛЕКСИЙ (ЛИСНЯК)

ЦЕРКОВНОЕ СОЛНЦЕ

РАССКАЗЫ

ПЕСНЯ ПРО ГРОБЫ

Светлая седмица. Переполняет радость оттого, что Господь победил смерть, болезни, горе и печаль. Хочется этой радостью делиться и делиться. Ее много, на всех хватит. На всех, кому она нужна.

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес! — торжественно, словно на параде, отвечают прихожане. Их лица светятся ярче солнца. Счастливые.

— Христос воскрес! — иду, почти лечу с кадилом и трисвечником по храму.

— Воистину воскрес! — вещает пономарь Семеныч из алтаря.

— Воистину воскрес! — из-за колонны ликует Виктор, старый христианин — беженец из Азербайджана.

— Воистину воскрес! — из-за другой колонны тоненьким голоском звенит Екатерина — беглянка с Украины.

— Воистину воскрес! — это Илья — переселенец из Казахстана.

— Христос воскрес!

ЛИСНЯК Алексей Александрович родился в 1975 г. в Воронежской области. Окончил Воронежскую духовную семинарию. Состоит в священном сане, служил в приходах Курской и Воронежской областей, настоятель Богоявленского храма в селе Орлово Воронежской области, протоиерей. Публиковался в журнале "Подъём", в церковных журналах, в коллективных сборниках, автор многочисленных публицистических материалов и двух книг прозы. Член Союза журналистов и Союза писателей России.

— Воистину воскрес!

В храме пять человек. Все беженцы с русской земли на Русскую землю. Рассказывают, что в этих самых странах и даже на Украине тосковали по духовности, оттого и прибежали сюда, в центр Святой Руси, побросав квартиры и работу. А тут... Местные беженцам не радуются, если же уличают в церковности, вовсе съедают.

— Пусть лучше съедят свои, православные! — заявил как-то по прибытии из Азербайджана Виктор.

— Православные? — удивился я. — Так ведь православные не съедают, они, то бишь мы — не волки.

Но пасхальное настроение убивает все темные мысли.

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес!

После службы довольные пятеро молитвенников расходятся по домам. Словно фонарики, разбредаются по темным проулкам и приветствуют мрачных соседей, дымящих табачищем на лавочках возле дворов:

— Христос воскрес!

Те в ответ ворчат.

Интересно, а почему так? Может, мы, священники, мало проповедуем? Может, мы, духовенство, малограмотные? С такими мыслями бреду домой. Меня отвлекает женщина, чей огород подходит вплотную к стене храма. Вот и ее церковная жизнь не волнует. Может, я виноват?

— Батюшка, можно Вас спросить?

“Ого! — думаю. — Неужели духовная жажда? Отрадно!”

— Конечно! — говорю и добавляю: — Христос воскрес!

— Ну, это у вас там, может быть, и воскрес...

— Вообще-то везде и всегда, — отвечаю. — Так о чем вы спросить хотели?

— Да вот у кума мать при смерти. Он ей гроб смастерил, а сам греха испугался. Спроси да спроси у попа, грех это или нет, когда сын для матери гроб делает?

— Грех, — говорю, — когда человек в церковь не ходит, когда в праздник бездельничает, когда не постится, ворует и сквернословит.

— Да нет, — даму ответ явно не устроил, — это все ерунда! Вот Вы скажите, гроб для матери делать — не грех?

Я честно ответил:

— Ничего про гроб для матери Спаситель не говорил. Да и вообще, в Писании ничего похожего не встречается.

— Говорили мне умные люди, — возмутилась дама, — что попы ничегошеньки не знают. Так и есть. Чему вас только в семинарии учат, дармоедов! Лучше у бабки Петровны спрошу. Она-то уж побожественней любого попа будет...

Женщина обиженно побрела к Петровне и долго еще возмущалась у ее калитки:

— Хм.. тоже мне... не знает, что грех, а что нет... еще поп... хм... людей учит... Вот Петровна в церковь не ходит, и то знает... не тот нынче поп пошел, не тот...

БАНАНЫ НА БЕРЕЗЕ

Занимается вечерняя заря. Одноэтажный городишко не торопится по домам. По его улицам расплзается тёплый майский вечер. Тополя вдоль проспекта покрылись зеленью и пахнут надеждой. Удивительно похожи друг на дружку русские провинциальные городки. Крохотные местечковые площади в кольце “райком—исполком—клуб—милиция” с неизменной статуей вождя. Разные судьбы у этих городков, разными фамилиями украшены крохотные мемориалы в честь защитников. Даже осанка одинакового Ленина всю-

ду разная. Только дух в таких городках везде один. Сибирь это или Брянщина — никакой разницы. Одинаково щемит душу что-то такое, отчего хочется бросить всё и поселиться где-нибудь здесь, под этой вот горой, возле этой вот заросшей речушки. Ловить рыбу, колоть дрова. Летом в выходные гулять по пыльному базару, а зимними ночами слушать волков. Кажется даже, что всякая осень здесь для некоторых непременно окажется Болдинской, не меньше.

В таком городке прошло моё дошкольное детство. Эти престарелые тополя должны меня помнить: я, салага, трясусь на заднем сиденье, отец рулит по ухабам проспекта, а они сыплют на машину золотую липкую шелуху, веселятся и благоухают. Солнце бултыхается в майской речушке. С моста прекрасно видно, что оно там.

Теперь за рулём я сам. Меня с сынишкой занесло в это захоlustье по какому-то пустяковому дельцу. День отшумел. Солнце силится поместиться в ту самую яму на горизонте, в которой оно всегда ночует в этом милом городке. Городок не хочет отпускать, держит и что-то обещает. По встрече цокает лошадка, вся в “яблоках”, за ней громыкает телега с бородатым дедком. Я всё не решаюсь отсюда уехать, кручу головой по сторонам, любуюсь. Наконец придумываю отыскать и показать сыну свою улицу, наш дом и двор. Сворачиваю с главной и жму на окраину, благо всё под рукой. Скоро вырливаю на эту улочку и теряюсь — так она усохла. А была ведь просто огромной!

Время многое меняет. И быстрее прочего нас самих. В нашем дворике скачут карапузы, веселятся. Им кажется, что эта убогая улочка самая большая в мире. Мне ведь тоже так думалось. Совсем рядом мой детсад, где я целых пять лет давился полдничным молоком. Молоко нам привозил старый бородатый дед. Он полулежал на гремучей телеге и погонял серую в яблоках кобылу. Конечно, сегодня мы видели не его, ведь с той сопливой поры прошло столько лет, сколько ни одна серая лошадь ещё не проживала. В этом детсадовском заборе я однажды застрял. Сын не верит. Думает, что я не смогу поместиться промеж железных прутьев. А я и не могу. Я ведь не карапуз... словно и не был им никогда.

Улочка на горе открывается лугом. Идём по нему, кормим комаров, задеваем нерасторопных кузнечиков. Сын держится за руку. Вдалеке под горой — крохотный вокзальчик. Маневрушка таскает взад-вперёд пустые вагоны. Они грохочут. Сюда еле-еле, с опозданием прилетает этот вокзальный шум. Задумываюсь о жизни, и кажется, что сами мы все — великие и неповторимые — этак вот таскаемся туда-сюда, всё гремим чего-то, чем-то трясем. Нам кажется, что получается значительно. А стоит взглянуть на себя хотя бы с такой вот горки, и видится, будто всё, что мы производим — не больше, чем такой точно шум. И тот — игрушечный.

С горы указываю сыну на яму, в которой всегда ночует солнце. Она совсем рядом, и похоже, что светило там ворочается, уснуть не может, поскольку ещё не стемнело. Рассказываю сыну, что мне всегда хотелось сбегать к солнечной яме и потрогать этот маленький красноватый блин. Только вот не случалось. Известное дело, “не ходи, обожжешься”. А поезда с того крохотного вокзальчика уходили, конечно, на войнушку, а вовсе не в соседний, не менее захолустный район. Там, на “войнушке”, конечно, зверствовали фрицы. А ещё там сидели “партизаны”, соседские пацаны. Разумеется, у них были автоматы, и у меня имелось ружьё. Только, увы, съездить на подмогу нашим тоже как-то ни разу не улыбнулось. Старшие не пускали.

Сколько же дней с той поры заночевало в солнечной яме? Мне их так сразу и не сосчитать. С математикой туго. Да и неохота, признаться, над этим голову ломать. Подумалось потужить, а ни грусти, ни жалости. Пускай себе. Известно ведь, что обратно из той ямы солнце так ни разу и не поднялось, а жизнь от этого не прекратилась — были рассветы. Бог милостив, обрадует, засветится что-нибудь новое, с другой совсем стороны.

Разворачиваемся, идём во двор, к машине. На этой самой дорожке я упирался, не хотел идти в садик. Сын сомневается. А вон в той посадке во-

дילים дикобразы и росли бананы. Сын снова не верит, чудак! Я же знаю это наверняка, я же их ел! И не важно, что те бананы смахивали и видом и вкусом на печёную картошку! В конце концов, у меня есть свидетели: “Вон он в том доме, сейчас поедет мимо, жила моя подружка. Маленькая, такая, как ты. Не скажу вот только, как звать-то её... Оксанка, кажется. Тоже бананы уважала”.

Ляпнул и забыл.

На свет фар слетелась вся уездная мошकारа. Хлопнули двери, мы тронулись. На заднем сиденье устраиваем сыну берлогу. Ехать отсюда не близко, не люблю ночью. В Оксанкиной квартире засветились все четыре окна. Сын пригляделся и обрадовался: “Гляди! Вон она, твоя Оксанка! Маленькая, с косичками! Она? Там, в окошке, рядом с большой тёткой! Стой, давай про бананы спросим”.

Тормозить тогда не стали, времени пожалели.

Теперь думается, что в том окошке и вправду могла светиться Оксанка. Только наверняка не она тогда стояла рядом с большой тёткой. Скорее всего, это другая курносая девчушка стояла рядом с Оксанкой. Я-то догадался, я ведь не то, что мой наблюдательный попутчик: “верю — не верю”. Взрослые ведь умеют и соображать.

Жаль только, что соображалка мешает в берёзовом пролеске отыскивать бананы. Без неё-то, помню, было куда как веселее. Была вера, можно было и без соображалки как-то жить...

СВЕТЛЫЙ КОТ

На этот раз синоптики не обманули. После туманных дней показалось солнышко.

Мы служили литургию в древнем храме, который не закрывался ни в войну, ни в революцию. Служили я и тамошний настоятель — священник, может быть, в пятом поколении. Хор тихо и сладко пел, как, наверное, и двести лет назад. Лучик солнца просочился сквозь старинное стекло южного окна в алтаре и медленно пополз вниз по пережившим и холода и войны фрескам. Маленький красноватый зайчик застыл на лике Спасителя. Потом, во время “Трисвятого”, сонно переполз на жертвенник. Затем зайчиков стало много. Они перестали румяниться и заиграли на парчовых покровцах, начищенных рипидах, на настоятельском облачении. А один, огромный, светлый и как будто бы главный, чинно воцарился на Горнем месте, когда диакон принялся читать Евангелие.

Диакон вручил настоятелю увесистое Евангелие и забасил сугубую ектению. Внезапно припомнилось, как лет двенадцать тому назад, в мою диаконскую бытность, в другом старинном храме и при другом настоятеле я однажды, так же после евангелия вышел на солею и почти остолбенел от восхищения. Тогда я впервые отметил, что церковное солнце — какое-то особенное. Оно светило в окна купола, и зайчики забавлялись, прыгали по золотым царским вратам с одной завитушки на другую, с виноградной грозди — на резной листок. Интересно, тогда были другие “зайцы” или те же, что и сейчас?

Летят годы... Менялась эпоха. Когда-нибудь и это время уйдёт — канет в историческую пропасть, а Церковный Весёлый Свет останется. Эти же зайчики будут резвиться на макушках у других певчих, эти же лучи будут светить на тот же вечный евангельский текст, правда, читать его будет другой диакон, внимать — другие люди. Зато потом, когда всё пройдёт, а Церковь останется, на её торжество соберутся все, все, все, кто от века сумел оценить неповторимый церковный свет — и эта радость уже не кончится.

К концу службы зимнее солнце висело уже высоко. Настоятель проповедовал, я радостный стоял рядом и глядел на полтора десятка прихожан, утонувших в огромном лучистом храме. В этом селе люди почти не утрати-

ли традиций: левую половину занимали женщины, а правую — пара старичков. Посреди церкви, под паникадиллом сидел кот. Старый крепкий кот. Закончилась проповедь, миряне подошли “под крест”. Настоятель, я и диакон удалились в алтарь и разоблачились, а кот всё продолжал сидеть. Он дремал под церковным солнцем и во сне покачивался из стороны в сторону. Когда последняя прихожанка вышла из церкви и в храме воцарилась тишина, мы услышали мурлыканье, временами походящее на храп. Я с любопытством глядел на полосатого прихожанина в приоткрытую вратницу. Мой интерес заметил настоятель:

— Что, нравится? Это Барсик. Мы его уже не замечаем, привыкли.

— А откуда он взялся? — полюбопытствовал я.

— Да он тут всегда был. Ну, конечно, не он, а предки его какие-нибудь... Но я вот лет, почитай, как тридцать тут служу и сколько помню, что ни служба — он всегда на это место приходит и дремлет. Пускай сидит. Зато насчёт мышей — полный порядок.

Настоятель отыскал свою скуфью, и мы отправились к нему в дом чаевничать.